

НАИМЕНОВАНИЕ ЛИЦ ПО ПРОФЕССИИ КАК РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА (на материале стихотворения Михаила Матусовского «Четыре песни о славном городе Луганске»)

В статье на основе соотнесения понятий «картина мира», «языковая картина мира», «индивидуально-авторская картина мира» исследуется поэтический текст Михаила Матусовского. Автор исходит из предположения, что наименования лиц по профессии могут быть рассмотрены как приметы времени. Анализ номинаций свидетельствует о стремительных изменениях, политических, идеологических, бытовых и пр., происходивших в годы, творчески воссозданные поэтом. Наблюдения, сделанные в статье, также позволяют судить о направлениях развития лексической группы «наименования лица по профессии».

Ключевые слова: картина мира, языковая картина мира, наименование лиц по профессии, Михаил Матусовский.

NAMING INDIVIDUALS BY THEIR PROFESSION AS REPRESENTATION OF LINGUISTIC WORLD VIEW (a Case Study of Mikhail Matusovsky's Poem "Four Songs About the Glorious City of Lugansk")

The poetical text of Mikhail Matusovsky is studied in the article on the basis of correlation of the concepts "world view", "linguistic world view", "author's individual world view". The author proceeds from the assumption that the names of persons by profession can be considered as signs of the times. The analysis of the nominations testifies to the rapid changes, political, ideological, everyday, etc., that took place in the years that the poet creatively recreated. The observations made in the article also make it possible to consider the development directions of the lexical group "names of individuals by profession".

Keywords: world view, linguistic world view, naming individuals by profession, Mikhail Matusovsky.

Языковая картина мира (далее — ЯКМ), понимаемая как совокупность представлений человека о реальном мире, которая «закреплена в системе значений определенного языка, в ее лексико-семантической подсистеме общей семантической системы, в структуре энциклопедических, толковых словарей, в бесчисленных речевых ситуациях, текстах разных видов, типов, жанров, наконец, в индивидуальном общении» [1, с. 87], справедливо считается проявлением ментальности этноса, неповторимого взгляда на мир. Язык особым образом представляет взаимосвязи компонентов мира, в центре которого оказывается, разумеется, человек (см. общепринятый тезис об антропоцентризме ЯКМ); кроме того, язык номинирует все то, что человека окружает и потому принципиально важно для него: пространство и время, живую и неживую природу, социум [2]. Имеющая национально-культурное своеобразие ЯКМ хоть и характеризуется традиционно как восходящая к архаической модели мира, но не может не отражать динамику жизни. Согласно образному высказыванию Э. Сепира, «речь похожа на расчерченную матрицу, с помощью которой можно распутывать последовательность изменений в культуре» [3, с. 537].

Важными направлениями изучения ЯКМ являются исследования индивидуальной картины мира и языковой личности. ЯКМ писателя можно определить как «индивидуально и творчески вербализованное представление о мире, пропущенное через призму сознания писателя, внутреннюю духовную действительность, которую художник стремится воплотить вовне» [4].

Творчество Михаила Львовича Матусовского — яркое и самобытное явление в литературе XX столетия; в текстах поэта отразился стремительно меняющийся мир современной ему России. Одним из средств отражения картины мира в поэтическом языке Матусовского является использование

лексем — наименований лиц по профессии. Для выборки наименований использовано стихотворение «Четыре песни о славном городе Луганске» из поэтического сборника Михаила Львовича «Земля моих отцов — Донбасс. Стихи и песни о Луганщине и Донбассе» [5].

Цель статьи — проанализировать наименования лиц по профессии на материале стихотворения Михаила Матусовского «Четыре песни о славном городе Луганске» как репрезентацию языковой картины мира и показать, как в текстах поэта представлена быстро и радикально изменяющаяся действительность.

«Четыре песни о славном городе Луганске» написаны в 1937 г., место создания сам автор определил как «Ворошиловград — Москва» (Ворошиловградом тогда назывался Луганск). Время, описанное в стихотворении, — годы Гражданской войны и им предшествовавшие. Создавая образ города, поэт рассказывает о его жителях, своих современниках. Один из способов отразить дореволюционную жизнь, революционное и военное время — назвать профессиональную принадлежность земляков.

Методом сплошной выборки из стихотворения вычленили более 30 наименований лиц по профессии. Наименования соотносятся с одной из трех групп профессий (*гражданские, военные, творческие*); кроме того, в стихотворении номинируются представители таких видов деятельности, которые мы условно определили как *профессии-истории*. Заметим, что отнесение наименований к той или иной группе носит условный характер, поскольку отдельные профессии могут быть проявлением и гражданской жизни, и военной (например, *шофер, санитар*), — в подобных случаях мы будем опираться на контекст. Наряду с профессиями в общепринятом смысле, рассмотрим и наименование лиц по роду занятий (например, *моряк, солдат*).

Создавая картину дореволюционного мирного Луганска, М. Матусовский называет **гражданские профессии** своих земляков, среди которых преобладают рабочие:

крановщик, слесарь: «Отец крановщик, сыновья — слесаря, подмастерья...» [5, с. 48];

механик, прокатчик, вальцовщик, котельщик: «По той же дороге проходит механик Тарутин, / Прокатчик Мисура, земляк и сосед Дубового, / Вальцовщик Джелалов, Андрей Поликарпова Дзюба, / Котельщик Мартынов...» [5, с. 49]. *Вальцовщиком* называют рабочего, обслуживающего вальцы — «машинное устройство с двумя соприкасающимися валами, валками, между которыми прокручивается обрабатываемый материал» [6, с. 110]. *Прокатчики* — рабочие, занимающиеся прокатным делом [6, с. 1012]. *Котельщик* — наименование мастера по изготовлению котлов [6, с. 463];

машинист: «К нему подошел Тимофей Алексеевич Зотов, / Ворчливый старик, машинист на курьерских и скорых...», «...И он повернулся, и влез в паровозную будку, / И место ему уступил молодой машинист» [5, с. 67]; «...Отряды шахтеров в шахтерских суровых рубахах, / Бойцы, машинисты, литейщики первого класса» [5, с. 81];

шахтер: «...Знали, / Что был он шахтером. И взяли фанерную доску, / Печатными буквами, углем на ней начертили...» [5, с. 68]; «...Отряды шахтеров в шахтерских суровых рубахах, / Бойцы, машинисты, литейщики первого класса» [5, с. 81];

боец: «...Отряды шахтеров в шахтерских суровых рубахах, / Бойцы, машинисты, литейщики первого класса» [5, с. 81]. Особого внимания, на наш взгляд, заслуживает лексема *боец*. Исходя из контекста (перечислены рабочие профессии промышленности), считаем, что автор использует вторую часть слова *молотобоец* «тот, кто обрабатывает что-либо разбиванием, битьем» [6, с. 87];

кузнец: «Сначала кузнец распластал на колодке полосу, / Потом отковал лезвие, черенок и канавку. / И красный клинок остывал и чернел на железе. / Пока остывал он, кузнец погуторил с мамашей...», «Кузнец уловил золотой и горячий оттенок, / И — баста. Клинок получил боевое крепенье» [5, с. 71];

литейщик: «...Отряды шахтеров в шахтерских суровых рубахах, / Бойцы, машинисты, литейщики первого класса» [5, с. 81]. *Литейщик* — рабочий, занимающийся литейным делом [6, с. 499].

Кроме наименований лиц рабочих профессий промышленности, в стихотворении находим и номинации представителей некоторых гражданских профессий (например, *судья, доктор, повар, кондитер*): «...Здесь был магазин Локтюшова, / Купеческий клуб и уездный военный начальник, / Пожарная часть и газета “Уездные вести”, / Судья, полицмейстер и доктор по женским болезням» [5, с. 47]; «Пробыв я три года в Московьской гостынице “Якор”, / В готели “Европа”, был поваром у генерала» [5, с. 82]; «Кондитер Козлов проверял в магазине запоры» [5, с. 72].

Годы революции и Гражданской войны кардинально изменили жизнь города, следовательно, и картину мира. На смену мирным, обычным для луганчан, занятиям пришли новые реалии и новые, непривычные профессии, что нашло отражение в художественном тексте.

«Четыре песни о славном городе Луганске» выразительно иллюстрируют изменившийся мир жизни луганчан, актуальными для которых стали **военные профессии** и занятия:

моряк: «Из раненых в город живыми доехали трое: / Худой, посиневший моряк из Балтийского флота, / В багровой тельняшке, обкрученный туго бинтами...» [5, с. 61];

солдат: «Под ними вплотную, прижавшись к другу другу локтями, / С оружием в руках молчаливо стояли солдаты» [5, с. 66]; «...Но крепкие ноги уже привыкли к походам, / Сердца — к дисциплине, рабочие руки — к оружию, / А длинных речей перед боем солдатам не надо» [5, с. 67]; «Имевший чутье музыканта и ухо солдата, / Он выучил вальс для мечтаний и марш для походов...» [5, с. 80]; «...Но смелые руки, короткая речь фронтовая, / Граната на поясе — все выдает в них солдата» [5, с. 83];

кашевар: «Есть в армии штабы, есть в армии фронт и разведка, / Резервные части, пехотные подразделения, / Но сзади на круглой двуколке с коптящей трубой / За армией едут снабженцы и кашевары» [5, с. 83]. *Кашевар* — «повар в воинской части или рабочей артели» [6, с. 423];

санитар: «Кого-то из наших жестоко трясет лихорадка, / И два санитаря уносят его к лазарету», «И ясно я помню убитого белыми Гришу, / И на руки тут принимают меня санитары» [5, с. 86–87];

стрелок, разведчик, гранатомет: «Стрелки, санитары, разведчики, гранатометы, / И армия двигалась, в битвах вставала стеною...» [5, с. 81]. Заслуживает дополнительных комментариев лексема *гранатомет* — «солдат, вооруженный ручными гранатами». Словарь современного русского языка дает иное толкование: *гранатомет* — переносное оружие ближнего боя для стрельбы бронебойными или осколочными гранатами, а стрелок из гранатомета — *гранатометчик*, так же называют бойца, вооруженного ручными гранатами [6, с. 225]. Таким образом, современная дефиниция понятия *гранатомет* — результат лексико-семантического словообразования;

шофер: «Шофер с перевязанной грязным бинтом головою / Устало дремал, просыпаясь на поворотах» [5, с. 62]; «Уткнувшись в колени, шофер перестал просыпаться» [5, с. 64]; «...В сухом палисаднике перед луганским вокзалом / под низкую липой шофер командарма и Сенька / Копали могилу штыком и саперной лопатой» [5, с. 68];

конник: «...Клинки полыхают на солнце, / И храбрые конники, вижу, врезаются с фланга». Лексема *конник* многозначна: кроме значения «конный воин, кавалерист, всадник», в современном русском литературном языке толкуется как «спортсмен, занимающийся конным спортом» [6, с. 449];

партизан: «Взглянул Охрименко на милых своих партизан, / Устали их ноги, ботинки их каши просили». Словарь литературного языка поясняет понятие *партизан* так: «участник вооруженной народной борьбы, проводимой в тылу противника; член партизанского отряда» [6, с. 783]. Однако в стихотворении «Четыре песни о славном городе Луганске» автор использует устаревшее в современном языке значение — «один из первых сторонников кого-, чего-л.» [6, с. 783], утверждать это позволяет контекст: «Последний отряд оставлял заколоченный город, / Он шел некрасиво, ряды и порядок меняя. / Последняя рота, последняя горстка героев. / Вернутся ли снова они по Алчевской дороге...»

Взглянул Охрименко на милых своих партизан, / Устали их ноги, ботинки их каши просили... / И мимо прошли по Вокзальной последние взводы, / Последний обоз простучал по бульжной дороге, — / Последний состав подавали к вокзальному мосту» [5, с. 73].

Особую группу составляют наименования представителей *творческих профессий*. Картины мира времен Гражданской войны представляют те профессии, которые в привычной жизни, казалось, никак не могут быть связаны с войной. В стихотворении «Четыре песни о славном городе Луганске» зафиксированы такие номинации по профессиям творческим:

трубач, барабанщик, флейтист, валторна, капельмейстер: «С этого дня зачисляю по штабу бригады / Шесть человек музыкантской военной команды — / три трубача, барабанщик, флейтист и валторна... / Над ними начальствовал Пров Никодимыч Причепа, / Лихой барабанщик, шутник, капельмейстер оркестра» [5, с. 80]; «Поэзия боя, железная муза солдата — / Три трубача, барабанщик, флейтист и валторна» [5, с. 81]. Пояснения заслуживает лексема-наименование *валторна*. В русском литературном языке это слово толкуется как «медный музыкальный духовой инструмент в виде спирально согнутой трубы с широким раструбом, отличающийся мягкостью и полнотой звука», а музыкант, играющий на валторне, — *валторнист* [6, с. 110]. В поэтическом тексте автор, используя метонимию, переносит наименование инструмента на его владельца, создавая необходимый стихотворный ритм;

поэт: «Солдатские старые песни. Испортивши рифмы, / Поэт-самоучка их смелой рукою исправил» [5, с. 75];

художник: «...Художник на знамени выписал дерзкою кистью: Не будет пощады врагам трудового народа» [5, с. 79].

Отдельную группу наименований лиц по профессии составляют *названия-историзмы*, среди которых и гражданские, и военные, к той же группе относим и жаргонные лексемы, обозначающие профессии и занятия:

городовой: «При свете костров горожанам давали оружие / — Лююсы, максимы, манлихеры и трехлинейки, / Наганы и кольты, и пулеметные ленты, / Гранаты Новицкого, круглые яблоки Мильса, / Короткие кавалерийские карабины, / Драгунские шашки, селетки городских» [5, с. 56]. *Городовыми* в России с 1862 до 1917 г. называли нижних чинов полиции. Из перечисленных видов оружия остановимся на *селедках* — устар. шашки, шпаги [7, с. 422], разг. сабля, шашка (дореволюц., шутл, пренебр.) [8], предположительно, пренебрежительное наименование оружия появилось из-за его тупой формы;

полицейстер: «...Здесь был магазин Локтюшова, / Купеческий клуб и уездный военный начальник, / Пожарная часть и газета "Уездные вести", / Судья, полицмейстер и доктор по женским болезням» [5, с. 47]. Так в России до 1917 г. назывался начальник полиции крупного города [6, с. 903];

филер: «Собрав заводских, вечером, пошабавив субботу, / В донецкие заводы ехал на рыбную ловлю. / И брали с собой, чтоб надежнее филеров спутать, / Закуску и водку и рыбою пахнувший бредень» [5, с. 63]. *Филер* в России конца XIX — начала XX в. — агент тайной полиции, занимающийся слежкой [6, с. 1423];

фараон: «Один из наганов Андрей отобрал самолично, / Скрутив в переулке вздремнувшего фараона» [5, с. 58]. Современные лексикографические источники так толкуют лексему *фараон* — разг., сниж. «презрительная кличка полицейского» [6, с. 1416], устар. угол. «полицейский, жандарм» [7, с. 496]. Исследователи называют несколько версий появления этого наименования. Первая, на наш взгляд, наиболее правдоподобная: ироничное непочтительное название городского конца XIX — начала XX в. возникло из-за неподвижности, бесстрастности стоявших на посту и привыкших к уличной сутолоке городских царской России (см. об этом: [9]);

коногон: «Матрос был когда-то и сам коногоном на шахте...» [5, с. 61]. Профессия *коногона* — «погонщика лошади, возившей вагонетку в шахте при конной откатке угля» [6, с. 449] — была хорошо известна жителям шахтерского края конца XIX — начала XX в.;

извозчик: «Какой-то извозчик на дряхлой, облезлой пролетке / По старой привычке без дела торчал у вокзала» [5, с. 53]. Занятие *извозчик* — «кучер наемного экипажа, повозки, возница» — производное от устар. *извоз* — «перевозка грузов или людей на лошадях» [6, с. 379]. В современном литературном языке активно функционирует родственная рассматриваемой разговорная лексема *перевозчик* — «тот, кто занимается перевозкой, перевозит» [6, с. 796]. Произошла трансформация наименования лица по профессии в зависимости от развития техники.

Таким образом, проведенный анализ наименований лиц по профессии в стихотворении М. Матусовского «Четыре песни о славном городе Луганске» дает возможность сделать следующие выводы:

- 1) названные в произведении наименования профессий создают представление о жизни города и горожан в предреволюционное время и время Гражданской войны;
- 2) упомянутые профессии и занятия позволяют говорить о развитии промышленного производства и быта в изображаемую эпоху;
- 3) использование в стихотворении профессий-историзмов является источником историко-культурной информации о жизни начала прошлого века.

Совокупность этих факторов — свидетельство того, что наименование лиц по профессии можно считать одной из репрезентаций ЯКМ.

1. Соколовська Ж. П. Картина світу та ієрархія сем // Мовознавство. 2002. № 6. С. 87–91.

2. Шведова Н. Ю. Теоретические результаты, полученные в работе над «Русским семантическим словарем» // Вопр. языкознания. 1999. № 1. С. 3–16.

3. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии : пер. с англ. М. : Прогресс, 2002. 656 с.

4. Кочнова К. А. Вопросы изучения языковой картины мира писателя // Гуманитарные научные исследования. 2014. № 1. URL: <http://human.snauka.ru/2014/11/8328> (дата обращения: 26.03.2019).

5. Матусовский М. Земля моих отцов — Донбасс. Стихи и песни о Луганщине и Донбассе. М. : Република, 2011. 304 с.

6. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб. : Норинт, 2000. 1536 с.

7. Елистратов В. С. Словарь русского арго: материалы 1980–1990 г. Около 9000 тыс. слов. 3000 идиоматических выражений. М. : Русские словари, 2000. 694 с.

8. Толковый словарь русского языка : в 4 т. Т. 4. С – Ящурный / гл. ред. Б. М. Волин, Д. Н. Ушаков ; под ред. Д. Н. Ушакова. М. : Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1940.

URL: <http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/default.asp> (дата обращения: 21.04.2019).

9. Курукин И. Полиция старой России: будочники, жандармы, «фараоны» // Архив номеров журнала «Отечественные записки» 2001–2014 годов : [сайт]. URL: <http://www.strana-oz.ru/2013/2/policiya-staroy-rossii-budochniki-zhandarmy-faraony> (дата обращения 23.04.2019).

© Дьякова Т. А., 2019

УДК 81'42

Науч. спец. 10.02.01

DOI: 10.36809/2309-9380-2019-25-63-66

СПЕЦИФИКА МЕДИАТЕКСТОВ РАЗВЛЕКАТЕЛЬНЫХ РАДИОПРОГРАММ

В статье представлены подходы к пониманию и определению понятий «медиадискурс» и «медиатекст», объяснена правомерность выделения развлекательного радиодискурса в структуре медиадискурса, дана характеристика медиа-текстов, репрезентированных в развлекательных радиопрограммах. Эмпирическую базу настоящей работы составили выпуски радиопрограмм «Бригада У» («Европа +»), «Подъемники» («Наше радио»), «Вейкаперы» («Record»), «Йетишоу» («Радио Сибирь», Омск), «Сергей Стиллавин и его друзья» («Маяк») за 2018 г.

Ключевые слова: медиадискурс, развлекательный радиодискурс, медиатекст.

THE SPECIFICITY OF MEDIA TEXTS OF ENTERTAINMENT RADIO PROGRAMS

The article presents approaches to understanding and defining the notions of “media discourse” and “media text”, explains the allocation of entertainment radio discourse in the structure of a media discourse, describes the media texts represented in entertainment radio programs. The empirical base of this work was the release of radio programs “*Brigada U*”, (“*Europe +*”), “*Podyomniki*” (“*Nashe Radio*”), “*Wakeupery*” (“*Record*”), “*Yeti-show*” (“*Radio Sibir, Omsk*”), “*Sergei Stillavin i ego druzya*” (“*Mayak*”) for 2018.

Keywords: media discourse, entertainment radio discourse, media text.

Несмотря на возросшую в последние годы популярность телевидения и интернет-СМИ, радио в современной журналистике занимает одну из лидирующих позиций и остается востребованным средством массовой информации. В связи с развитием технических возможностей радиостанций, их очевидной коммерциализацией, отходом радиожурналистики от классических канонов и переходом от информирования в чистом виде к развлекательному контенту в радиокommunikации возникает ряд особенностей. В частности, наблюдаются значительные изменения в жанровой структуре радиопрограмм, их тематическом наполнении, что, несомненно, влияет на специфику репрезентированных в данном типе дискурса медиа-текстов.

Понятие «медиадискурс» в настоящее время вытесняет термин «дискурс СМИ». Это связано с непрерывным техническим развитием, появлением новых форм коммуникации в медиапространстве, увеличением объема интернет-СМИ, ростом доверия адресатов к материалам, публикуемым в медиапространстве, потребностями аудитории в многоканальном и многообразном получении информации.

Как отмечает Е. А. Кожемякин, «сегодня артикулируются как минимум два подхода к определению медиадискурса. Согласно первому, медиадискурс — это специфичный тип речемыслительной деятельности, характерный исключительно для информационного поля массмедиа» [1, с. 16]. В таком случае различия между медиадискурсом и другими

самостоятельными типами дискурса зависят от таких параметров дискурса, как «различные языковые практики, различные коммуникативные ситуации реализации» [1, с. 16], хотя тексты, репрезентированные в этих дискурсах, могут иметь общую тематику.

Представители второго подхода определяют медиадискурс как «любой вид дискурса, реализуемый в поле массовой коммуникации, продуцируемый СМИ. Так, можно говорить о политическом, религиозном, педагогическом и прочих медиадискурсах, подразумевая, что для своей реализации указанные типы институционального дискурса предполагают наличие относительно устойчивого набора практик производства, трансляции и интерпретации массовой информации» [1, с. 16].

Значимым для нашего исследования является понимание медиадискурса как «*тематически сфокусированной, социокультурно обусловленной речемыслительной деятельности в массмедийном пространстве*» [1, с. 16], а также как деятельности, «объективированной в совокупности медиа-текстов, отличающихся концептуальным, речезанровым и прагматилистическим своеобразием» [2, с. 4].

Структура медиадискурса включает разные типы дискурсов в зависимости от основания классификации. Так, в качестве типологизирующих признаков могут выступать такие параметры, как канал коммуникации, способ передачи информации, тематика, цель, участники и т. д. Согласно